

Таис

Автор:

Анатоль Франс

Таис

Анатоль Франс

Анатolia Франса (настоящее имя Анатоль Франсуа Тибо) современники называли писателем «самым французским, самым парижским, самым утонченным». В 1921 году литературные достижения Анатolia Франса были отмечены Нобелевской премией. В одноименный французского классика вошел роман «Таис», в котором традиционный сюжет об обращении грешницы находит неожиданное воплощение. «Харчевню королевы Гусиные лапы» можно назвать энциклопедией эпохи, а в романе «Боги жаждут» автор обращается к теме Великой Французской революции. Помимо названных романов, в книгу вошли избранные рассказы Анатolia Франса.

Роман «Таис» впервые опубликован летом 1889 г. в журнале «Ревю де Де монд», отдельное издание вышло в октябре того же года.

Анатоль Франс

Таис

Глава I

ЛОТОС

В те времена в пустыне жило много отшельников. По обоим берегам Нила раскинулись бесчисленные хижины, сооруженные из ветвей и глины руками самих затворников; хижины отстояли друг от друга на некотором расстоянии, так что их обитатели могли жить уединенно и вместе с тем в случае надобности оказывать друг другу помощь. Кое-где над хижинами возвышались храмы, осененные крестом, и монахи сходились туда по праздникам, чтобы присутствовать при богослужении и приобщиться таинствам. На самом берегу реки встречались обитатели, где жило по нескольку монахов; они ютились в отдельных тесных келейках и селились вместе лишь для того, чтобы полнее чувствовать одиночество.

И отшельники, и монахи жили в воздержании, вкушали пищу лишь после захода солнца, и единственным яством служил им хлеб со щепоткой соли да иссоп.[1 - Многолетняя пахучая трава.] Некоторые из них уходили в глубь пустыни, превращая в келью какую-нибудь пещеру или могилу, и вели еще более диковинный образ жизни.

Все они соблюдали целомудрие, носили власяницу и куколь, после долгих бдений спали на голой земле, молились, пели псалмы – словом, каждодневно подвизались в покаянии. Памятуя о первородном грехе, они отказывали плоти не только в удовольствиях и утехах, но и в самом необходимом, по тогдашним понятиям, уходе. Они считали, что телесные немощи целительны для души и что нет для тела лучших украшений, чем язвы и раны. Так сбывалось слово пророков: «Пустыня оденется цветами».

Одни из обитателей святой Фиваиды проводили дни в умерщвлении плоти и созерцании, другие зарабатывали себе на хлеб насущный тем, что плели веревки из пальмового волокна или нанимались к соседним землевладельцам на время жатвы. Язычники несправедливо подозревали некоторых из них в том, что они живут разбоем и действуют заодно с кочевниками-арабами, которые грабят караваны. На самом же деле монахи презирали богатство, и благоухание их добродетели возносилось до самых небес.

Ангелы, похожие на юношей, навещали их под видом странников с посохом в руке, а демоны, приняв облик эфиопов или зверей, рыскали вокруг затворников, стараясь ввести их в соблазн. По утрам, когда монахи шли к колодцам за водой, они замечали на песке следы копыт сатиров и кентавров. С точки зрения духовной, истинной, Фиваида[2 - Фиваида – область Египта, где обосновались первые христианские монахи-пустынники.] являла собою поле битвы, где

ежечасно, в особенности по ночам, шли таинственные сражения между небом и царством тьмы.

Подвергаясь яростным нападениям легионов нечистой силы, аскеты с помощью бога и ангелов защищались постом, покаянием и умерщвлением плоти. Иной раз жало плотских желаний язвило их так жестоко, что они выли от боли, и их стенания вторили мяуканью голодных гиен, которым оглашалась пустыня в звездные ночи. Тут-то бесы и являлись отшельникам под пленительными личинами. Ведь демоны, хоть они на самом деле и безобразны, иной раз облакаются призрачной красотой, и это мешает разглядеть их подлинную сущность. Фиваидские отшельники с ужасом видели в своих кельях картины таких наслаждений, каких не ведали даже тогдашние сладострастники. Но, охраняемые силой крестного знамения, они не поддавались искушению, и мерзкие духи, приняв свои истинные обличья, исчезали с зарею, посрамленные и яростные. На рассвете не раз случалось людям встречать убегающего беса, который на расспросы отвечал, заливаясь слезами: «Я плачу и стенаю оттого, что один из здешних христиан высек меня розгами и изгнал с позором».

Власть старцев-пустынножителей распространялась даже на грешников и неверующих. Их доброта порою обращалась в грозную силу. Они унаследовали от апостолов власть карать за обиды, нанесенные истинному Богу, и уже ничто в мире не могло спасти тех, кто был ими осужден. По городам и даже в самой Александрии среди народа ходили страшные слухи о том, что стоило им только коснуться грешника посохом, как земля сама разверзалась под человеком и бездна поглощала его. Поэтому все распутники, а особенно мимы, плясуны, женатые священники и куртизанки, очень боялись отшельников.

Они обладали такой духовной силой, что их власти подчинялись даже хищные звери. Когда затворнику приходило время умереть, появлялся лев и когтями рыл ему могилу. Святой отец понимал по этому знаку, что Создатель призывает его к себе, и обходил всех братьев, чтобы дать им прощальное лобзание. Потом отшельник, радуясь в сердце своем, ложился, дабы почтить во Господе.

И вот с тех пор как Антоний[3 - Антоний – раннехристианский святой, живший в IV веке, основатель монашества. Раздав свое имущество бедным, Антоний удалился в пустыню и прожил там 30 лет. Согласно легенде, он стойко выдерживал искушения, которыми осаждал его дьявол.], в возрасте более ста лет, удалился с возлюбленными своими учениками Макарием и Амафасом на гору Кольцинскую, не было во всей Фиваиде монаха, который мог бы сравниться

в усердии с Пафнутием, антинойским настоятелем. Правда, Ефрем и Серапион начальствовали над большим числом монахов и славились умением руководить духовными и житейскими делами возглавляемых ими монастырей. Зато Пафнутий строже соблюдал посты и иной раз по целых три дня не вкушал пищи. Он носил особенно грубую власяницу, утром и вечером бичевал себя и подолгу лежал, распростершись на земле.

Его двадцать четыре ученика построили себе хижины неподалеку от него и брали с него пример в подвижничестве. Он горячо любил их во Христе и беспрестанно призывал к покаянию. В числе его духовных чад насчитывалось несколько человек, которые долгие годы разбойничали, но были так глубоко тронуты увещеваниями святого настоятеля, что решили принять монашество. Праведность их жизни служила образцом для их собратий. Среди последних находился бывший повар абиссинской царицы; он тоже был обращен антинойским настоятелем и непрестанно оплакивал свои грехи; был тут и дьякон Флавиан, знаток Писания и мастер говорить. Но самым замечательным из учеников Пафнутия был молодой крестьянин по имени Павел, прозванный Юродивым за крайнее простодушие. Люди смеялись над его простотой, а Господь, благоволя к нему, ниспосылал ему видения и наделил даром пророчества.

Пафнутий много времени посвящал назиданию своих духовных чад и подвижничеству. Кроме того, он размышлял над священными книгами, ища смысла в их иносказаниях. Поэтому еще в молодых летах он отличался великими заслугами. Дьяволы, столь яростно осаждавшие добрых отшельников, не решались подступиться к нему. По ночам, когда на небе сияла луна, семь маленьких шакалов неотступно находились возле его кельи; они сидели на задних лапках молча, не шевелясь, наострив уши. Вероятно, то были семь демонов, которым он преградил к себе дорогу силою своей святости.

Пафнутий родился в Александрии от благородных родителей, которые дали ему языческое образование. Он даже поддавался бредням поэтов, и в ранней юности заблуждения его ума и безрассудство дошли до того, что он верил, будто род человеческий пережил потоп во времена Девкалиона[4 - ...род человеческий пережил потоп во времена Девкалиона... - Франс намекает на сходство Библейской легенды о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге с греческим мифом о Девкалионе, единственном человеке, которого Зевс спас от потопа. Девкалион и его жена Пирра вновь заселили мир.], и дерзал рассуждать со сверстниками о природе, свойствах и даже о самом существовании бога. Он вел тогда, как то

свойственно язычникам, разгульный образ жизни. Об этом времени он вспоминал теперь со стыдом и раскаянием.

– В те дни, – говорил он собратьям, – я кипел в котле ложных усад.

Он хотел сказать, что ел тогда искусно приготовленное мясо и посещал общественные бани. И действительно, до двадцатилетнего возраста он вел жизнь, обычную для того времени, ту жизнь, которую пристойнее было бы назвать смертью. Но, восприняв поучения священника Макрина, он стал другим человеком.

Он до глубины души проникся истиной и обычно говорил, что она вонзилась в него как меч. Он уверовал в Голгофу и возлюбил распятого Христа. Приняв крещение, он еще год прожил среди язычников, в миру, с которым был связан привычкой. Но однажды, войдя в храм, он услышал слова Писания, прочтенные дьяконом: «Если хочешь быть праведным, поди и продай имущество свое и деньги раздай бедным». Он тотчас же продал все, что у него было, полученные деньги раздал неимущим и принял монашество.

Прошло уже десять лет с того дня, как он перестал кипеть в котле чувственных усад, и он с пользой умерщвлял свою плоть, умащивая ее бальзамом покаяния.

Однажды, по благочестивой привычке перебирая в памяти дни, прожитые в отчуждении от господ, он одно за другим мысленно оживлял свои прежние заблуждения, дабы глубже постигнуть всю их гнусность, и ему вспомнилось, что некогда он видел на александрийском театре лицедейку, отличавшуюся поразительной красотой, имя которой было Таис. Эта женщина выступала на сцене и не брезгала участвовать в танцах, искусно рассчитанные движения которых напоминали движения, сопутствующие самым мерзким страстям. А иной раз она изображала какое-нибудь постыдное действие из числа тех, что приписываются языческими сказаниями Венере, Леде или Пасифае[5 - ...постыдное действие из числа тех, что приписываются... Венере, Леде или Пасифае. – В античной мифологии Венера – богиня чувственной страсти; Леда любила Зевса, явившегося ей в образе лебедя; Пасифая воспылала страстью к быку.]. Такими средствами она воспламеняла зрителей огнем своей похоти, а когда красивые юноши или богатые старцы, преисполненные страсти, приходили к ее дому и вешали над дверью гирлянды цветов, она благосклонно принимала почитателей и отдавалась им. Итак, губя собственную душу, она губила и великое множество других душ.

Таис едва было не вовлекла в плотский грех и самого Пафнутия. Она зажгла в его жилах огонь желания, и однажды он уже подошел к ее дому. Но его на самом пороге остановила застенчивость, свойственная ранней юности (ему было тогда пятнадцать лет), а также опасение, как бы она не отвергла его из-за того, что у него нет денег (родители его следили за тем, чтобы он не мог много тратить). Эти два обстоятельства явились орудиями в руках Господних, и по великому милосердию своему он уберег юношу от смертного греха. Но тогда Пафнутий отнюдь не был благодарен за это, ибо еще не разумел собственного блага и жажда ложных утех томила его. И вот, стоя у себя в келье на коленях перед святым крестом, на котором был распят Спаситель мира, Пафнутий стал думать о Таис, потому что Таис была его грехом, и долго, как положено правилами подвижничества, размышлял он над чудовищным безобразием плотских наслаждений, жажду которых в дни душевной смуты и неведения внушила ему эта женщина. После нескольких часов размышления образ Таис предстал перед ним в полной ясности. Он вновь увидел ее такую, какою видел в дни искушения, то есть прекрасною телесно. Сначала она явилась в виде Леды, томно раскинувшейся на ложе из драгоценного гиацинта, с запрокинутой головой, влажными глазами, в которых порою вспыхивали молнии, с трепещущими ноздрями, полуоткрытым ртом, цветущей грудью и руками, прохладными, как родники. При этом видении Пафнутий бил себя в грудь и говорил:

– Будь мне свидетель, Господь, что я сознаю всю мерзость моего греха!

Между тем лицо Таис незаметно меняло выражение. Уголки ее рта постепенно опускались, и на губах обозначилась таинственная скорбь. Расширившиеся глаза блестели от слез; из стесненной груди вырывались стенания и вздохи, похожие на первые дуновения бури. Это смутило Пафнутия до глубины души. Он пал ниц и обратился к Богу с молитвой:

– Господь, даровавший нашим сердцам сострадание, как утреннюю росу – пастбищам, Господь правый и милосердный, будь благословен! Хвала тебе, хвала! Отринь от твоего служителя ложное мягкосердие, ведущее к соучастию в грехе, и окажи мне милость: да возлюблю твои создания не иначе как в тебе, ибо они преходящи, ты же бессмертен. Я жалею эту женщину только потому, что она создана тобою. Сами ангелы участливо склоняются над нею. Не твоих ли уст, Господь, она дыхание? Не подобает ей творить грех со столькими согражданами и чужестранцами. Великая жалость к ней зародилась в моем сердце. Прегрешения ее отвратительны, и от одной мысли о них у меня волосы

становятся дыбом и все тело мое вопиет. Но чем она грешнее, тем глубже должно быть мое сострадание. Я плачу при мысли о том, что дьяволы будут терзать ее до скончания веков.

Размышляя так, он вдруг заметил, что у ног его сидит маленький шакал. Это его крайне удивило, ибо дверь кельи была с самого утра затворена. Зверек словно читал в мыслях настоятеля и, как пес, повиливал хвостом. Пафнутий перекрестился: зверь сгинул. Уразумев по этому знаку, что дьяволу впервые удалось проникнуть в его жилище, он сотворил краткую молитву, потом снова стал размышлять о Таис.

«С Божьей помощью я должен спасти ее», – думал он.

И он заснул.

На другой день, помолившись, Пафнутий отправился к Палемону – благочестивому старцу, жившему отшельником неподалеку от него. Палемон, веселый и умиротворенный, трудился, как всегда, на огороде. Он был стар; он развел небольшой садик, дикие звери прибегали к нему и лизали ему руки, и бесы не тревожили его.

– Хвала Господу, брат мой Пафнутий, – сказал он, опершись на заступ.

– Хвала Господу! – ответил Пафнутий. – И мир да пребудет с тобою, брат мой.

– И с тобой да пребудет мир, брат Пафнутий, – продолжал отшельник и рукавом отер пот с лица.

– Брат Палемон, единственной целью наших бесед неизменно должно быть прославление того, кто обещал всегда присутствовать среди собравшихся во имя его. Поэтому-то я и пришел к тебе поделиться тем, что я замыслил совершить во славу Господню.

– Да благословит Господь твое намерение, Пафнутий, как он благословляет то, что я здесь посадил. Каждое утро благодать его вместе с росой нисходит на мой огород, и по милосердию его я могу его восславить в огурцах и тыквах, которыми он благодетельствует меня. Будем молиться о том, чтобы он и впредь

даровал нам мир. Ибо нет ничего пагубнее смятения, которое нарушает покой сердца. Когда смятение охватывает нас, мы уподобляемся хмельным и идем, шатаясь из стороны в сторону, готовые на каждом шагу позорно упасть. Иной раз такое неистовство приводит нас в бесшабашное веселье, и тогда тот, кто предается ему, оглашает воздух раскатистым скотским хохотом. Эта прискорбная веселость увлекает грешника во всякого рода распутство. Но случается и так, что смятение души и чувств погружает нас в нечестивое уныние, а оно еще в тысячу раз хуже веселья. Брат Пафнутий, я всего-навсего жалкий грешник, но за свою долгую жизнь я убедился, что нет у монаха злейшего врага, чем уныние. Я понимаю под унынием ту необоримую тоску, которая, как туман, объемлет душу и заслоняет от нее господень свет. Ничто так не противно спасению, и велико бывает торжество дьявола, когда ему удастся оплести сердце монаха острой и безысходной тоской. Если бы дьявол соблазнял нас только веселием и радостью, он был бы далеко не так страшен. Увы, он мастер ввергать нас в отчаяние. Нашему отцу Антонию он явил черного ребенка такой дивной красоты, что при взгляде на него глаза застилались слезами. С Божьей помощью отец наш Антоний избежал дьявольских козней. Я знал его в те времена, когда он жил среди нас; находясь среди учеников, он всегда пребывал в радости и ни разу не впал в уныние. Но ведь ты, брат мой, пришел, чтобы поведать о том, что замыслил совершить? Ты окажешь мне честь, поделившись со мною, если только задуманное тобою послужит славе Господней.

– Брат Палемон, я и в самом деле надеюсь прославить Господа. Подкрепи меня советом, ибо ты умудрен и грех никогда не омрачал твоего рассудка.

– Брат Пафнутий, я недостойн развязать даже ремни твоих сандалий, и прегрешениям моим несть числа – как песчинкам в пустыне. Но я стар и не откажусь помочь тебе своей опытностью.

– Так вот, признаюсь тебе, брат Палемон, что я глубоко скорблю при мысли, что в Александрии есть куртизанка по имени Таис, которая живет в грехе и служит для людей соблазном.

– Брат Пафнутий, это и впрямь мерзость, и о ней надлежит скорбеть. Среди язычников есть немало женщин, которые ведут себя вроде этой. А ты придумал какое-нибудь средство против сего великого зла?

– Брат Палемон, эту женщину я знал в Александрии, и с Божьей помощью я обращаю ее. Таково мое намерение; одобряешь ли его, брат мой?

– Брат Пафнутий, я всего лишь жалкий грешник, но отец Антоний не раз говорил: «Где бы ты ни был – не торопись покидать это место ради другого».

– Брат Палемон, ты видишь что-то дурное в том, что я задумал?

– Добрый Пафнутий, сохрани меня Бог подозревать дурное в намерениях моего брата! Но отец наш Антоний говорил также: «Рыба, выброшенная на песок, умирает; подобно этому и монах, выйдя из кельи и смешавшись с толпой мирян, отклоняется от истины».

С этими словами старик Палемон нажал ногою на лопату и стал усердно окапывать молодую яблоньку. Пока он копал, в сад через живую изгородь, не помяв листы, стремительно прыгнула антилопа; она остановилась удивленная, встревоженная, трепещущая, потом в два прыжка приблизилась к своему старому другу и прильнула головкой к его груди.

– Да будет благословен Бог в газели-пустынножительнице! – сказал Палемон.

И он ушел в хижину за куском черного хлеба, а возвратясь, подал его на ладони быстроногому животному.

Пафнутий стоял некоторое время в раздумье, уставившись на придорожные камни. Потом он не спеша направился к своей келье, размышляя о том, что только что слышал. Ум его напряженно работал.

«Старец Палемон, – думал он, – мудрый советчик; ему присуща осторожность. И вот он сомневается в разумности моего намерения. Между тем я чувствую, что было бы жестоко дольше оставлять эту женщину во власти дьявола. Да просветит меня Господь и да укажет мне праведную стезю!»

По дороге Пафнутий заметил ржанку, которая попала в тенета, расставленные на песке охотником; он понял, что это самочка, ибо самец прилетел к сети и стал клювом одну за другой рвать петли, пока наконец в тенетах не образовалось отверстие, через которое и вырвалась его подруга. Божий человек дивился

этому зрелищу, а так как в силу своей святости он легко постигал тайный смысл сущего, то понял, что попавшаяся в плен птичка – это Таис, опутанная сетями разврата, и что подобно тому, как самец ржанки клювом перекусил конопляные нити, он сам при помощи суровых увещаний должен разорвать невидимые узы, держащие Таис в лоне греха. Поэтому он воздал хвалу Господу и утвердился в своем первоначальном намерении. Но, увидев затем, что самец сам попался лапками в сеть, которую только что порвал, Пафнутий снова впал в сомнение.

Он не смыкал глаз всю ночь, а на заре ему было видение. Ему снова явилась Таис. Лицо ее не выражало греховного сладострастия, и на ней не было, как обычно, прозрачной одежды. Всю ее, и даже часть лица, окутывал саван, так что отшельник видел только ее глаза, и из них лились прозрачные тяжелые слезы.

При виде ее слез Пафнутий сам заплакал и, решив, что видение послано ему богом, перестал сомневаться. Он встал, взял суковатый посох – образ христианской веры – и вышел из хижины, тщательно затворив за собою дверь, дабы звери, обитатели песков, и птицы, парящие в воздухе, не забрались в келью и не осквернили книгу Писания, которую он хранил у своего изголовья; потом он призвал дьякона Флавиана, поручил ему руководить двадцатью тремя учениками и, облачившись в одну лишь длинную власяницу, пустился в путь; он пошел вдоль Нила, намереваясь идти пешком по ливийскому берегу в город, основанный македонцем[б - ...город, основанный македонцем. – То есть Александрия, основанная в 332–331 гг. до н. э. Александром Македонским и ставшая крупнейшим очагом позднеантичной культуры.]. С самой зари шел он по песку, презирая усталость, голод и жажду; солнце уже склонилось к горизонту, когда он увидел грозную реку, катившую свои кровавые воды среди скал, сверкавших огнем и золотом. Он шел по высокому берегу реки, просил у порога редко встречавшихся хижин кусок хлеба во имя божие и со смиренной радостью принимал отказ, брань и угрозы. Он не страшился ни разбойников, ни хищных зверей, зато тщательно избегал городов и селений, попадавшихся ему на пути. Он боялся повстречать ребятишек, играющих в бабки возле отчего дома, или увидеть у колодца женщин в голубых рубахах, улыбающихся, с кувшином в руках. Все таит опасность для отшельника: иной раз ему опасно даже читать в Писании о том, что божественный учитель ходил из города в город и садился вместе с учениками за трапезу. Узоры, которыми подвижники расшивают ткань веры, столь же великолепны, сколь и нежны: достаточно легкого мирского дуновения – и прелестный узор тускнеет. Поэтому-то Пафнутий и избегал городов; он опасался, как бы при виде людей сердце его не размягчилось.

Итак, шел он безлюдными дорогами. Когда наступал вечер и тамаринды под лаской ветерка принимались шелестеть, Пафнутий содрогался и спускал куколь до самых глаз, чтобы не видеть красоты окружающего мира. На седьмой день он пришел в местность, именуемую Сильсилис. Река течет тут в тесной долине, обрамленной двойной цепью гранитных гор. Именно здесь высекали египтяне своих идолов в те времена, когда они поклонялись демонам. Пафнутий увидел огромную голову Сфинкса, еще не отделенную от утеса. Опасаясь, не таится ли в ней дьявольская сила, он перекрестился и прошептал имя Христа; в тот же миг из уха чудовища вылетела летучая мышь, и Пафнутий понял, что изгнал злого духа, пребывавшего в этом изваянии многие века. Рвение его разгорелось; он поднял с земли большой камень и швырнул его в лицо идола. Тогда на таинственном лице Сфинкса появилось столь грустное выражение, что Пафнутий растрогался. Поистине сверхчеловеческая скорбь, обозначившаяся на этом каменном челе, тронула бы даже самого бесчувственного человека. И Пафнутий сказал Сфинксу:

– Зверь! По примеру сатиров и кентавров, которых видел в пустыне отец наш Антоний, восславь божественность Иисуса Христа! И я благословлю тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Он сказал – и розовый отсвет блеснул в глазах Сфинкса; тяжелые веки чудовища дрогнули и гранитные губы с трудом, словно эхо, произнесли святое имя Христа. А Пафнутий, простерши правую руку, благословил сильсилисского Сфинкса.

Затем он снова пустился в путь; долина постепенно расширилась, и он увидел развалины огромного города. Еще не рухнувшие храмы поддерживались идолами в виде колонн, и по попустительству божьему женские головы с коровьими рогами устремляли на Пафнутия пристальный взгляд, повергавший его в ужас. Так шел он семнадцать дней, питаясь травами, а ночи проводил в разрушенных дворцах, среди диких кошек и фараоновых крыс, к которым иной раз присоединялись женщины с туловищами, переходившими в чешуйчатый рыбий хвост.

На восемнадцатый день Пафнутий заметил в отдалении от села убогую хижину, сплетенную из пальмовых листьев и полузасыпанную песком, занесенным ветром из пустыни; Пафнутий подошел к хижине в надежде, что она служит приютом какому-нибудь благочестивому отшельнику. Двери в ней не было, и он увидел внутри хижины кувшин, кучку луковиц и ложе из сухих листьев.

«Это – скромное жилье подвижника, – подумал он. – Затворники далеко не уходят от кельи. Хозяина этой хижины найти недолго, я хочу дать ему поцелуй мира по примеру святого отшельника Антония, который, придя к пустынножителю Павлу, трижды облобызал его. Мы побеседуем о вещах непреходящих, и, быть может, Господь пошлет к нам ворона с хлебом, и хозяин радушно предложит мне преломить его вместе с ним».

Рассуждая так с самим собою, Пафнутий бродил вокруг хижины в надежде повстречать кого-нибудь. Пройдя шагов сто, он увидел человека, который, поджав ноги, сидел на берегу Нила. Человек этот был нагой, волосы его и борода были совершенно белые, а тело – краснее кирпича. Пафнутий не сомневался, что это отшельник. Он приветствовал его словами, которыми при встрече обычно обмениваются монахи:

– Мир тебе, брат мой! Да будет дано тебе вкусить райское блаженство!

Человек не отвечал. Он сидел все так же неподвижно и, видимо, не слышал обращенных к нему слов. Пафнутий подумал, что молчание это – следствие восторга, который нередко охватывает святых. Он стал возле незнакомца на колени, сложил руки и простоял так, молясь, до захода солнца. Тогда Пафнутий, видя, что его собрат не тронулся с места, сказал ему:

– Отче, если прошло умиление, в которое ты был погружен, благослови меня именем Господа нашего Иисуса Христа.

Тот отвечал, не оборачиваясь:

– Чужестранец, я не понимаю, о чем ты говоришь, и не знаю никакого господина Иисуса Христа.

– Как! – вскричал Пафнутий. – Его пришествие предрекли пророки; сонмы мучеников прославили его имя; сам Цезарь поклонялся ему[7 - ...сам Цезарь поклонялся ему... – Цезарь – это римский император Константин I Великий (годы правления 306–337), сделавший христианство официальной религией.], и вот только что я повелел сильсисскому Сфинксу воздать ему хвалу. А ты не ведаешь его – да возможно ли это?

– Друг мой, – отвечал тот, – это вполне возможно. Это было бы даже несомненно, если бы в мире вообще существовало что-нибудь несомненное.

Пафнутий был изумлен и опечален невероятным невежеством этого человека.

– Если ты не знаешь Иисуса Христа, – сказал он, – все, что ты делаешь, бесполезно и тебе не удостоиться вечного блаженства.

Старик возразил:

– Тщетно действовать и тщетно воздерживаться от действий. Безразлично – жить или умереть.

– Как? Ты не жаждешь вечного блаженства? – спросил Пафнутий. – Но скажи мне, ведь ты живешь в пустыне, в хижине, как и другие отшельники?

– По-видимому.

– Ты живешь нагой, отказавшись от всего?

– По-видимому.

– Питаешься кореньями и блюдешь целомудрие?

– По-видимому.

– Ты отрекся от мирской суеты?

– Я действительно отрекся от всякой тщеты, которая обычно волнует людей.

– Значит, ты, как и я, беден, целомудрен и одинок. И ты стал таким не ради любви к Богу и не ради надежды на небесное блаженство? Это мне непонятно. Почему же ты добродетелен, если не веруешь во Христа? Зачем же ты отрекаешься от земных благ, раз не надеешься на блага вечные?

– Чужестранец, я ни от чего не отрекаюсь и рад тому, что нашел более или менее сносный образ жизни, хотя, строго говоря, не существует ни хорошего, ни дурного образа жизни. Ничто само по себе ни похвально, ни постыдно, ни справедливо, ни несправедливо, ни приятно, ни тягостно, ни хорошо, ни плохо. Только людское мнение придает явлениям эти качества, подобно тому как соль придает вкус пище.

– Значит, по-твоему, ни в чем нельзя быть уверенным? Ты отрицаешь истину, которую искали даже язычники. Ты коснеешь в своем невежестве подобно усталому псу, который спит в грязи.

– Чужестранец, равно безрассудно хулить и псов, и философов. Нам неведомо, что такое собаки и что такое мы сами. Нам ничто не ведомо.

– О старец, значит, ты принадлежишь к нелепой секте скептиков? Ты из числа тех жалких безумцев, которые равно отрицают и движение, и покой и не умеют отличить солнечного света от ночной тьмы?

– Да, мой друг, я действительно скептик и принадлежу к секте, которая кажется мне достойной похвалы, в то время как ты находишь ее нелепой. Ведь одни и те же вещи предстают перед нами в разных обликах. Мемфисские пирамиды на заре кажутся треугольниками, пронизанными розовым светом. В час заката, вырисовываясь на огненном небе, они становятся черными. Но кто проникнет в их истинную сущность? Ты упрекаешь меня в том, что я отрицаю видимое, в то время как я, наоборот, только видимое и признаю. Солнце представляется мне лучезарным, но природа его мне неизвестна. Я чувствую, что огонь жжет, но не знаю ни почему, ни как это происходит. Друг мой, ты меня не понимаешь. Впрочем, совершенно безразлично, понимают ли тебя так или иначе.

– Опять-таки спрашиваю: зачем бежал ты в пустыню и питаешься одними финиками и луком? Зачем терпишь ты великие лишения? Я тоже терплю лишения и тоже живу отшельником, соблюдая воздержание. Но я делаю это для того, чтобы угодить Богу и удостоиться вечного блаженства. А это разумная цель, ибо мудро терпеть муки в предвидении великих благ. И, наоборот, безрассудно по собственной воле возлагать на себя бесполезное бремя и терпеть ненужные страдания. Если бы я не веровал, – прости мне эту хулу, о свет предвечный, – если бы я не веровал в то, что Бог возвестил нам устами пророков, примером сына своего, деяниями апостолов, решениями святых соборов и свидетельством мучеников, если бы я не знал, что телесные недуги

необходимы для исцеления души, если бы я подобно тебе пребывал в неведении святых таинств, – я тотчас же вернулся бы в мир, я старался бы разбогатеть, чтобы жить в неге, как живут счастливыцы мира сего, и я сказал бы страстям: «Ко мне, девушки, ко мне, мои служанки, опьяните меня вашим вином, вашими чарами и благовониями!» А ты, неразумный старец, ты лишаешь себя какой-либо выгоды; ты расточаешь, не ожидая прибыли, ты отдаешь, не надеясь на возмещение, и бессмысленно подражаешь подвигам наших пустынных, подобно тому как наглая обезьяна, пачкая стену, воображает, будто она срисовывает картину искусного живописца. О глупейший из людей, скажи, каковы же твои доводы?

Пафнутий говорил крайне резко. Но старик был невозмутим.

– Друг мой, – ответил он кротко, – к чему тебе доводы зловредной обезьяны и пса, спящего на нечистотах?

Пафнутий всегда руководился только тем, что может послужить вящей славе Господней. Гнев его сразу стих, и он, склонив голову, попросил прощения.

– Прости меня, старец, брат мой, если из-за усердия в защите истины я преступил должные границы, – сказал он. – Бог мне свидетель, что только заблуждением твоим, а не самим тобою вызван мой гнев. Мне тягостно видеть, что ты пребываешь во тьме неведения, ибо я люблю тебя во Христе и сердце мое полнится заботой о твоём спасении. Говори, изложи мне свои доводы: мне не терпится узнать их, дабы их опровергнуть.

Старик спокойно отвечал:

– Я равно готов и говорить, и безмолвствовать. Поэтому я изложу тебе свои доводы, но у тебя доводов просить не стану, потому что мне нет до тебя ни малейшего дела. Мне безразлично, счастлив ли ты или несчастлив; и мне все равно, так ли ты думаешь или иначе. Да и как мне любить тебя или ненавидеть? Отвращение и сочувствие одинаково недостойны мудреца. Но раз уж ты спрашиваешь, знай, что имя мое Тимокл и что родился я на Косе от людей, разбогатевших на торговле. Мой отец снаряжал корабли. По уму своему он весьма походил на Александра, прозванного Великим, – только нравом был поживее. Словом, то был человек со всеми слабостями, присущими людям. У меня было два брата, которые последовали по его стопам и стали

судовладельцами. Я же избрал стезю мудрости. Старшего брата отец принудил жениться на кариенской женщине по имени Тимесса, но брату она была до того несносна, что, живя с ней, он впал в безысходную тоску. Зато наш младший брат воспылал к ней преступной любовью, и это чувство вскоре перешло в исступленную страсть. Кариенке же оба внушали одинаковое отвращение. Она была влюблена в некоего флейтиста и по ночам принимала его у себя. Однажды утром он забыл у нее венок, который обычно носил на пирах. Мои братья, найдя этот венок, решили убить флейтиста и на другой же день, как он ни умолял их и как ни рыдал, засекли его до смерти. Невестка пришла в такое отчаяние, что разум ее помутился, и вот три безумца, уподобившись скотине, стали бродить по берегам Коса, выли, как волки, с пеной на губах, вперив глаза в землю, а мальчишки гурьбой бегали за ними и швыряли в них раковинами. Наконец несчастные умерли, и отец собственными руками похоронил их. Немного спустя нутро его перестало принимать какую-либо пищу, и он умер от голода, хотя был до того богат, что мог бы скупить все мясо и все плоды на всех азиатских базарах. Он очень досадовал, что состояние достанется мне. А я употребил его на путешествия. Я побывал в Италии, Греции и Африке, но нигде не встретил ни одного мудреца и ни одного счастливого человека. Я изучал философию в Афинах и Александрии и был совсем оглушен шумными спорами. Наконец, добравшись до Индии, я увидел на берегу Ганга нагого человека, который уже тридцать лет неподвижно сидел на месте, поджав под себя ноги. Вокруг его тела вились лианы, в волосах птицы свили гнездо. И все же он жил. При виде его мне вспомнилась Тимесса, флейтист, отец и мои два брата, и я понял, что этот индус – мудрец. «Люди, – решил я, – страдают потому, что лишены чего-то, что они считают благом, или потому, что, обладая им, боятся его лишиться, или потому, что терпят нечто, кажущееся им злом. Упраздните такое убеждение, и все страдания рассеются». Поэтому я и решил ничто не почитать благом, отрешиться от всех соблазнов и жить в одиночестве и неподвижности по примеру того индуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Многолетняя пахучая трава.

2

Фиваида – область Египта, где обосновались первые христианские монахи-пустынники.

3

Антоний – раннехристианский святой, живший в IV веке, основатель монашества. Раздав свое имущество бедным, Антоний удалился в пустыню и прожил там 30 лет. Согласно легенде, он стойко выдерживал искушения, которыми осаждал его дьявол.

4

...род человеческий пережил потоп во времена Девкалиона... – Франс намекает на сходство Библейской легенды о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге с греческим мифом о Девкалионе, единственном человеке, которого Зевс спас от потопа. Девкалион и его жена Пирра вновь заселили мир.

5

...постыдное действие из числа тех, что приписываются... Венере, Леде или Пасифае. – В античной мифологии Венера – богиня чувственной страсти; Леда любила Зевса, явившегося ей в образе лебедя; Пасифая воспылала страстью к быку.

6

...город, основанный македонцем. – То есть Александрия, основанная в 332–331 гг. до н. э. Александром Македонским и ставшая крупнейшим очагом позднеантичной культуры.

7

...сам Цезарь поклонялся ему... – Цезарь – это римский император Константин I Великий (годы правления 306–337), сделавший христианство официальной религией.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/anatol-frans/tais-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)